

- ⁷ См.: *Urquhart J.* Rev. of *Solar* by Ian McEwan // Independent. 14 March 2010. URL: <http://www.independent.co.uk/arts-entertainment/books/reviews/solar-by-ian-mcewan-1919286.html> ; *Charles R.* Rev. of *Solar* by Ian McEwan // Washington Post. 31 March 2010. URL: <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2010/03/30/AR2010033003376.html> (дата обращения: 29.01.2014).
- ⁸ *Brown M.* Ian McEwan Interview : Warming to the topic of climate change // The Telegraph. 11 March 2010. URL: <http://www.telegraph.co.uk/culture/books/7412584/>

Ian-McEwan-interview-warming-to-the-topic-of-climate-change.html (дата обращения: 25.01.2014).

- ⁹ *Макьюэн И.* Солнечная / пер. с англ. В. Гольшева, С. Та-ска. М. ; СПб., 2011. С. 24. В дальнейшем цитируется это издание с указанием страниц в скобках.
- ¹⁰ *Macintyre Magnus.* Whirligig. L., 2013. P. 49–50. В дальнейшем цитируется это издание в переводе автора с указанием страниц в скобках.
- ¹¹ Синдром Турретта – расстройство центральной нервной системы генетического происхождения, основной симптом – разного рода тики.

УДК 82.09-98:551.42

СИМВОЛИКА ОСТРОВНОГО ПРОСТРАНСТВА В ЛИТЕРАТУРЕ

Л. Ю. Морская

Саратовский государственный университет
E-mail: amoremila@list.ru

Рассматриваются особенности острова как географического и художественного пространства, как историко-культурного контекста для формирования индивидуальной и национальной идентичности. Дается краткий обзор ряда работ западных учёных с целью выявить литературный потенциал острова. Анализируются причины, по которым остров может становиться местом откровения и духовного перерождения, подвергаться мифологизации и раскрывать посредством символов глубинные психологические механизмы, заложенные в человеке.

Ключевые слова: пространство острова, противоречивость, символика.

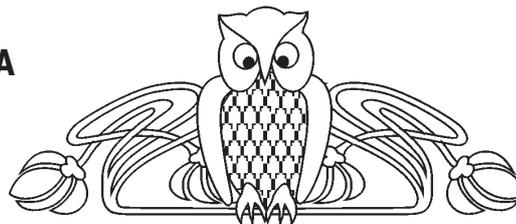
Symbolism of Islands in Literary Texts

L. Yu. Morskaya

The paper focuses on the features of an island as geographical and literary space, as a historical and cultural context for the formation of individual and national identity. Being a brief overview of some of the works of Western scholars, it's an attempt to identify the literary potential of the island. The paper analyzes the reasons why the island may become a place of revelation and spiritual rebirth, be subjected to mythologizing, and reveal through symbols some deep psychological mechanisms inherent in man.

Key words: island space, ambiguity, symbolism.

Историки английской литературы давно отмечали значение в ней темы моря и острова. Морской роман в английской литературе, берущий начало от Смоллета, стал в нашей англистике предметом специального рассмотрения в работе Т. Г. Струковой¹. Тема же острова в литературе островной нации у нас не подвергалась целостному осмыслению; отдельные замечания о символике острова, о сюжетосложении «островных» романов возникают лишь при анализе самих этих романов, от «Робинзона Крузо» Д. Дефо до «Повелителя мух» У. Голдинга. Напротив, в сегодняшней западной критике литературный

потенциал островного пространства исследуется с разных позиций, острова притягивают к себе все больше внимания². Систематизируем здесь основные позиции в разворачивающейся в западной критике «островной дискуссии» с целью выявить литературный потенциал образа острова, причины его притягательности в качестве места действия.

Начнем с работ междисциплинарного характера, посвященных феномену острова. Американские ученые Роберт МакАртур и Эдвард Уилсон занимаются «биогеографией» островов: «Безусловно, остров уже по своей природе интересен для изучения. Он проще, чем материк или океан, и в то же время он достаточно обособлен, что позволяет дать ему отдельное имя, а также говорить об идентичности его обитателей»³. Привлекательность острова как объекта исследования в том числе объясняется и присущими ему «богатством и разнообразием, многочисленностью форм и размеров, степенью изоляции»⁴. Из относительной «простоты» острова следует, что он является удобной моделью для изучения процессов, которые в полном масштабе разворачиваются на «большой земле», а условия островной изоляции создают почву для возникновения уникальных черт каждого острова. В этом сочетании общего и частного, универсального и индивидуально-неповторимого в объекте, чья пространственная замкнутость поддается целостному описанию, мы усматриваем параллелизм общей теории художественного образа, который точно так же строится на сочетании универсально значимых и конкретных, неповторимых свойств. Иными словами, феномен острова оказывается сродни художественному образу как таковому, и потому изображение островов в литературных произведениях – в соответствии ли с осознанным замыслом писателя, или помимо

замысла – так часто несет в себе повышенный заряд художественных смыслов.

Джек Тресиддер в своем «Словаре символов» (1998) возводит символику острова к индуистской традиции, где остров был «образом духовного мира в хаосе материального существования»⁵. Попадая на остров, человек непременно меняется. Не случайно на островах чаще всего происходят глобальные изменения в сознании, озарения, переломы мировоззрения. Получается, что остров выступает в качестве катализатора духовных возможностей. Тресиддер прибегает к Юнгу, напоминая о его характеристике острова как убежища среди опасностей «моря бессознательного». Юнг как бы наследует индуистскому верованию, согласно которому остров представляется как средоточие метафизической силы, как синтез сознания и воли⁶. Таким образом, и с точки зрения историка культуры Тресиддера, остров имеет двойной смысл: первый, уже обозначенный выше, – смысл изоляции и одиночества; второй – безопасного места, убежища в море хаоса.

О метафизике острова размышляет Р. С. Патке в работе «Острова поэзии, поэзия островов» (2004). Его интересуют, прежде всего, последствия попадания человека из своего привычного большого пространства в пространство необитаемого острова, которое является квинтэссенцией острова, образцовым островом для европейской традиции. По Патке, необитаемый остров обязательно ломает и радикально меняет личность. Исследователь утверждает, что, оказавшись на острове, человек переживает символическую смерть, а затем рождается заново: «Потерпевший кораблекрушение подвергается испытанию разлукой, пребывает в изоляции от общества. Это приводит к своего рода смерти с возможным в дальнейшем возвращением к жизни и перерождением»⁷. Потерпевший кораблекрушение обретает совершенно иной взгляд на мир: «Таким образом, очутившись на острове, человек уподобляется Адаму: любой вещи, любому понятию он дает новое имя, начиная процесс переименования с самого себя»⁸. Тогда попадание на остров – это возможность для персонажа не только освоить новое пространство, но и выстроить себя заново; остров всегда что-то меняет в герое, и изменения могут быть самыми непредсказуемыми, как со знаком «плюс», так и со знаком «минус».

Историки литературы с недавнего времени пытаются в своих работах создать очерк островной традиции в европейских литературах, начиная с античности, в свете этого нового интереса к острову. Так, показательным своим теоретическим уклоном эссе Стефаноса Стефанидеса и Сюзан Басснет «Острова, литература и проблема культурной переводимости» (2008). Авторы выделяют то особое место, которое остров всегда занимал в мировой литературе: «Острова в литературе всегда занимали значительное место и служили источником очарования в литературном вообра-

жении. Остров – это территория, отделённая от большой суши водой, и это с лёгкостью приводит к различного рода фантазиям и мифологизации»⁹. Выключенность острова из обычного течения жизни – залог его притягательности для фантазии; чем меньше остров, тем легче фантазии насытить его пространство самыми удивительными происшествиями.

Стефанидес и Басснет так характеризуют функции островного пространства в литературном произведении: «Пространство острова используется для исследования и создания мостов между миром реальным и миром воображаемым. Остров часто принимает форму утопии/дистопии, Эдема, Аркадии, некоего государства, метатекста, места пересечения культур. Фактическое пространство острова ... проливает свет на взаимоотношения между индивидом и другим индивидом, центром и периферией, служит в качестве посредника между разными культурами»¹⁰.

В силу тесного переплетения мира реального и воображаемого «островные» тексты обычно строятся таким образом, что попавшего на остров героя сложно, почти невозможно «вырвать» из пространства острова. Очутившись на острове, персонаж начинает противопоставлять себя в настоящем себе прежнему, иначе воспринимать течение пространства-времени: «...Человек, живущий на острове, совсем по-другому воспринимает пространство, четко осознавая, что земля рано или поздно закончится и начнётся море. В свою очередь, неостровные нации населяют на материке самые разные территории, и границы в их глазах приобретают смысл, который островитянину понять невозможно»¹¹. Столь существенная разница в восприятии границ объясняется тем, что остров – это, с одной стороны, четкая граница между стихиями земли и воды, с другой – отсутствие границ в материковом смысле слова, поэтому в островном сознании отношении и к символическим границам иное, чем в сознании жителя «большой земли». Акцентирование роли границы в островных текстах является результатом применения к острову наработок постструктуралистской философии, в которой феномену границы принадлежит особое место.

Особое место острова играют в британской литературе, составляя в ней особый «островной текст», который отражает островное положение страны и является неотъемлемой частью конструирования национальной идентичности. На формирование последней во многом повлиял статус «владычицы морей», приобретенный Британией в имперский период ее истории и сохранившийся в исторической памяти британцев и по сей день.

Образы островов, так богато представленные в английской литературе, содержат в себе множество символических смыслов, которые обычно интерпретируются как проекции национального сознания, воспринимающего Англию как своего рода корабль первооткрывателей, идущий по

бурному океану истории, по глубинам культуры и жизни, пристающий к островам этого океана.

Обратимся к статье Алекса Ло «Британия как ментальный остров» (2005). Отталкиваясь от специфического восприятия границ жителями островных государств, Ло объясняет повышенную мобильность англичан, легкость их перемещений по миру именно островным положением Соединенного Королевства. Двойственность острова в его трактовке заключается в одновременной открытости (окруженность безграничным водным пространством) и замкнутости (с куска суши некуда бежать) пространства острова. В силу этих пространственных особенностей остров с легкостью становится тем местом, где оживают потаенные страхи человека: «...фантазии о каннибалах или других жутких, разрушительных силах, которые могут скрываться где-то в самом сердце острова»¹², а наружу вырывается все худшее, что есть в человеке, все сдерживаемое, что никогда не проявились бы на более «просторном» пространстве: «На острове всё меняется, или – как с особым драматизмом показывает Уильям Голдинг в “Повелителе мух” – всё просто поднимается на поверхность; становится видимым то, что мы предпочли бы никогда не видеть»¹³.

Ло не ограничивается психологическими аспектами островного пространства, а дает конкретно-историческую критику Британской империи, вскрывающую особенности островного национализма. Это пропагандистская игра на контрасте между относительно скромным размером Британских островов (9-й по величине остров в мире) и положением Британии как великой державы; тема острова, окруженного врагами, который, несмотря на все противодействие извне, является высшим образцом цивилизации; культ флота как оплота и защиты нации. Но, несмотря на очевидную важность элемента имперского сознания в менталитете британцев, большинство исследователей предпочитают рассуждать о символике островов в психоаналитическом ключе.

Остров не только сам по себе катализатор фантазий и желаний, это еще и место осуществления потаенных, запретных, табуированных культурой желаний: сексуальных, стремления порвать с прошлым, уйти от ответственности. Последнее особенно характерно для английской литературы, родины такого образцового эскапистского персонажа, как Питер Пэн. Кэтлин Блейк в статье «Мечта о море: “Питер Пэн” и “Остров сокровищ”» (1977) интерпретирует остров Питера Пэна как буквальную реализацию детской страстной мечты, игры, прорастающей корнями в робинзонаду Даниэля Дефо, в конечном итоге – воплощение отказа взрослеть и принимать на себя бремя ответственности взрослого человека¹⁴.

Наконец, острова интересно рассматриваются в постколониальной критике. Так, на текстах современных англоязычных писателей

с Карибских островов и Шри-Ланки построено исследование Мелани Мюррей «Островной рай: миф». Эдем и Аркадия уже упоминались в числе символических смыслов острова, и они особенно уместны, как может показаться, в изображении тропических островов, входивших в Британскую империю. Мюррей пишет о том, что в колониальной и предколониальной литературе островные народы изображались обычно в пасторальном ключе, а образ острова как рая уходит своими корнями в христианство. В колониальном контексте райский остров первоначально возникает в связи с духовными поисками миссионеров, но по мере того как идеал обращения туземцев в истинную, христианскую веру вытеснялся откровенным поиском материальной наживы, функции райского прекрасного острова в литературном произведении меняются. По мнению Мюррей, объективно изображение идеализированных ландшафтов в литературе имперского периода часто способствовало оправданию рабства и эксплуатации. Во многих текстах XIX в. сама Англия представляла как идеальный в своей сельской идилличности остров, а этот укоренившийся пасторальный идеал метрополии далее переносился на пространства различных колоний, и в особенности на острова. Так, те же Карибские острова представляли в литературе доминиона не как полнокровное своеобразное пространство, а всего лишь как «тени Англии»¹⁵, и в подобных текстах образ острова нес на себе не метафизическую, а сугубо прагматическую нагрузку.

Заклучим, что в литературе образ острова почти всегда символичен. Любой островной текст воспринимается более полно при взгляде на него как на часть метатекста, с учетом других существующих островных текстов. Остров дает возможность взгляда со стороны на существующие на «большой земле» социально-культурные нормы и правила и потому закономерно часто становится местом действия в жанрах утопии и антиутопии. Островное пространство выступает также удобной рамкой для изображения «крупным планом» героев, отрезанных от внешнего мира, для углубленного психологического анализа. Напряженность во взаимоотношениях малой группы людей, изолированных на острове, часто используется для усиления сюжетного напряжения, для ввода в повествование детективных элементов. Перечисленные символические пласты значений в образах островного пространства, вероятно, потому так эффективны в литературе, что восходят к древнейшим структурам человеческого сознания. Все это необходимо иметь в виду для классификации типов островного пространства в литературе.

Примечания

¹ См.: Струкова Т. Английский морской роман XIX–XX веков. Воронеж, 2000.

- ² См. материалы симпозиумов и конференций: *Pollis G. A., Rose M. D.* On the Insularity of Islands // *Ecography*. Vol. 23, № 6. P. 693–701 ; *Pinet S.* On the Subject of Fiction Islands and the Emergence of the Novel // *Diacritics*. Vol. 33, № 3–4. P. 173–187 ; *Novak M. E.* The Cave and the Grotto : Realist Form and Robinson Crusoe's Imagined Interiors // *Eighteenth-Century Fiction*. Vol. 20, № 3. P. 445–468 ; *Marzec R.* Enclosures, Colonization, and the Robinson Crusoe Syndrome : A Genealogy of Land in a Global Context // *Boundary 2*. 2002. Vol. 29, № 2. P. 129–156.
- ³ *MacArthur R., Wilson E.* The Theory of Island Biogeography. Princeton, 1967. P. 3.
- ⁴ Ibid.
- ⁵ *Трессиддер Дж.* Словарь символов. М., 2002. С. 260.
- ⁶ Там же.
- ⁷ *Patke R. S.* The Islands of Poetry, the Poetry of Islands: Partial Answers // *Journal of Literature and the History of Ideas*. 2004. Vol. 2, № 1. P. 177–194.
- ⁸ Ibid.
- ⁹ *Stephanides S., Bassnett S.* Islands, Literature, and Cultural Translatability. URL: <http://transtexts.revues.org/212> (дата обращения: 26.02.2014).
- ¹⁰ Ibid.
- ¹¹ Ibid.
- ¹² *Law A.* Of Navies and Navels : Britain as a Mental Island // *Geografiska Annaler. Ser. B, Human Geography*. 2006. Vol. 87, № 4. P. 267–277.
- ¹³ Ibid.
- ¹⁴ См.: *Blake C.* The Sea-Dream : Peter Pan and Treasure Island // *Children's Literature*. 1977. Vol. 6. P. 165–181.
- ¹⁵ *Murray M.* Island Paradise : The Myth : an Examination of Contemporary Caribbean and Sri Lankan Writing. L., 2009. P. 19.